

ЛИНГВИСТИКА

Р. Н. Анисимов

ЛЕКСЕМЫ-МИФОЛОГЕМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются лексемы-мифологемы якутского языка, входящие в состав фразеологических единиц – различные имена якутских божеств, духа огня, духа-хозяина леса, а также названия злых и добрых духов. Предпринята попытка установить их лексические параллели в родственных тюркских и монгольских языках. В рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» лексемы-мифологемы в составе фразеологических единиц участвуют в оценочном описании внутренних свойств – душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека. Это поле организует фундаментальный культурный концепт ЧЕЛОВЕК, в котором отражается национальная картина мира, система наиболее общих миропредставлений носителей языков. Сравнительно-исторический метод и компонентный анализ позволили установить в целом национально-специфические фразеологизмы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, что, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях отсутствия контакта с последними. Вместе с тем выявлены общие и специфические фразеологические разряды, а также некоторые якутско-хакасские, якутско-казахские фразеологические параллели. Также выдвигается предположение о том, что якутская система мифологических образов подверглась сильному монгольскому влиянию. А отсутствие тунгусских лексических параллелей свидетельствует о недостатке якутско-тунгусского взаимодействия и взаимовлияния при создании рассмотренных якутских лексем-мифологем. Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке теоретической основы и методологии фразеологической компаративистики тюркских языков.

Ключевые слова: *лексема, фразеологическая единица, якутский язык, тюркские языки, фразеосемантическое поле, тюркская фразеология, история языка, сравнительный анализ.*

Изучение фразеологической системы якутского языка в сравнительно-историческом аспекте представляется весьма интересным в связи с тем, что в ней сконцентрирован культурно-исторический опыт и отражена образная картина мира народа. Образовавшиеся на различных этапах развития якутского языка фразеологические единицы (далее ФЕ) в силу своей образности и выразительности существуют в нем многие столетия, сохраняя почти без изменений первоначальную форму своих компонентов. Одним из информативных «законсервированных» компонентов ФЕ являются лексемы-мифологемы – слова, относящиеся к духовной культуре и религиозным представлениям.

Целью статьи является установление лексических параллелей лексем-мифологем якутского языка в родственных языках, выявление их фразеосемантических разрядов и фразеологических параллелей, входящих во фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека».

Лексический и фразеологический материал с компонентами-мифологемами, соответственно, извлечен методом сплошной выборки из лексикографических источников тюркских языков, а также из фольклорной и этнографической литературы.

В результате фронтального просмотра двуязычных, толковых, фразеологических словарей якутского, алтайского, хакасского, тувинского, турецкого, казахского языков выявлено больше всего ФЕ с компонентом-мифологемой во фразеологическом материале якутского и хакасского языков.

Кроме того, с целью осмысления природы возникновения фразеологических параллелей, их общих и специфических разрядов в родственных языках привлекается сравнительный материал из монгольских и тунгусских языков, имея в виду, что в якутском языке, представители тюркской языковой семьи, доля лексики монгольского происхождения по скромным подсчетам составляет 30% от общего количества лексики (Широбокова, 2005: 62).

В состав якутских устойчивых словосочетаний (ФЕ), характеризующих человека, входят лексемы, обозначающие различные имена якутских божеств. Это, например, *Тангара* 'Бог', божества – *Одун Хаан*, *Чынгыс (Чынгыс) Хаан*, *Дьөһөгөй (Джэсёгёй)*, *Сүгэ (Сюгэ) Тойон*, *Хоро Тангара*. Также имена различных духов – *айыы* 'добрый дух', *абааһы* 'злой дух, чёрт', *уот иччитэ* 'дух огня', *Байанай* 'Дух-хозяин леса'.

Из этих компонентов самым активным для фразеобразования является лексема *абааһы* 'злой дух', которая в составе ФЕ придает характеристике человека негативную коннотацию. Г. Дерфер якутскую лексему *абааһы* сопоставлял с общетюркской **albasty* 'злой демон' (Попов, 2003: 57). Однако, большинство исследователей эту версию считают сомнительной, так как у якутского слова *абааһы* имеются довольно надежные лексические параллели в других тюркских языках: др.-тюрк. *абачу* 'бука, пугало' (ТСЯЯ, 2004: 226), *abači keldi* 'смотри бука придет' (ДТС, 1969: 1); ср.-тюрк. *абаакыы*, караим. *абах*, крым.-тат. *абак* 'идол'; тур. *апак* 'джинн' (Попов, 2003: 56).

Согласно якутской мифологии, «*абааһы* живут во всех трех мирах – верхнем, среднем и нижнем. На небесах они заселяют южные и западные части, на земле – север, запад и юг, в подземном мире – все части. *Абааһы* также бессмертны, как и боги» (Кулаковский, 1979: 26).

Так, лексема *абааһы* 'злой дух' в составе устойчивых сочетаний содержит оценку человека с дурным и скверным характером: *абааһы киһи* – букв. человек абаасы (Григорьев, 1974: 15), (Пекарский, 1958: 5). В традиционном сознании якутов *абааһы киһи* представляется как человек, поступающий против общепринятых коллективных целей и норм, отказывающийся от предписаний светлых божеств *айыы*.

В хакасском и казахском языках находим фразеологические параллели данной номинации: хака. *сайтаннын оолгы* – букв. чёртово отродье (ХРС, 2006: 434), хака. *айна кизи* – букв. человек дьявол (ХРС, 2006: 43); каз. *албастыдай* – букв. как дьявол (нечистая сила) (Бектаев, 1995: 41).

В якутском и хакасском фразеобразованиях лексема *абааһы* / *айна* характеризует человека с дурной внешностью: якут. *абааһы киэптээх* – букв. с обликом абаасы (Пекарский, 1958: 7); хака. *айна сырай* – с обликом чёрта (ХРС, 2006: 557).

Якутская лексема *абааһы* участвует в характеристике человека, имеющего отрицательную черту, приносящего с собою зло, вред другим людям: *абааһы тыыннаах (кэптээх)* – букв. с тлетворным дыханием (Пекарский, 1958: 5).

Также в состав якутских ФЕ входят различные образы злого духа:

– *тамыйах абааһыта* 'телячий чёрт'; по якутскому поверью, это злой, мелкий, слабый, самый ничтожный из чертей, обычно вызывающий только презрение. Говорящий, используя в речи устойчивое сочетание *тамыйах абааһыта*, характеризует человека, не имеющего никакого авторитета, влияния, веса в обществе (БТСЯЯ, 2013: 197);

– *өтөх абааһыта* 'чёрт старого заброшенного жилья'; с образом злого духа обычно соотносят человека с плохим и скверным характером: *өтөх абааһытыгар дылы* – букв. подобно домовому (черту) старого заброшенного жилья;

– *абааһы тэнсигэ* ‘посыльный дьявола’: нетерпеливый, невыдержанный, проявляющий нетерпение человек, сравнивается с образом посыльного злого духа – *абааһы тэнсигэр дылы киһи* – человек, подобный нарочному дьявола.

В хакасском фразообразовании компонент *айна* ‘чёрт’ участвует в оценочной характеристике умственных и физических способностей человека: *айна полен алган* – букв. чертом попутанный, т. е. неполноценный в умственном отношении человек или калека (Тотышева, 2004: 15). В семантике данной ФЕ отражено сенсорное знание наивной картины мира носителя языка о том, что злые духи Нижнего мира могут оказывать отрицательное влияние на мыслительные способности людей Среднего солнечного мира.

В целом нужно заметить, что во всех культурах мира «отрицательные качества человека подчёркиваются путём сравнения с нечистой силой или действиями нечистой силы в определённых ситуациях» (Коновалова, 2004: 54).

Согласно мифологическим представлениям якутов, *уот иччитэ* – это ‘бог домашнего очага и жилища’, самый великий из всех *иччи*, «возводимый до степени божества и почитаемый больше богов» (Кулаковский, 1979: 30), его представляли в виде маленького седобородого старичка. А у хакасов и алтайцев дух огня олицетворён в образе женщины *От-ине* и *Ут-эне* ‘Огонь мать’.

Учёные-тюркологи склонны считать якутское слово *иччи* ‘дух, хозяин’ монголизмом, заимствованием от монг. *ežen* ‘хозяин’ (СИГТЯ, 2006:576), а якутскую лексему *уот* ‘огонь, пламя’ относят к пратюрк. **ho:t* ‘огонь’ (СИГТЯ, 2001: 351). Так, якутский термин *уот иччитэ* в составе устойчивого сочетания характеризует человека очень обидчивого, легко и часто обижающегося: *уот иччитин курдук өһүргэс* – букв. обидчив, как дух домашнего очага.

Якутское слово *айыы* означает «общее название высших существ, олицетворяющих собою начала добра» (Пекарский, 1958: 47), которым присущи все человеческие функции и образ жизни «от людей они отличаются только бессмертием и могуществом» (Кулаковский, 1979: 16). Культ божеств *айыы* у якутов в этнографической литературе преимущественно известен как ‘белое шаманство’. Мифологема *айыы* происходит от якутской глагольной основы *ай-* ‘творить, создавать’ (Попов, 2003:64).

В якутской фразеологии слово *айыы*, как правило, участвует при номинации доброго, сердечного человека: *айыы киһитэ* – букв. человек высших добрых существ, «человек здешнего (чистого) мира» (Пекарский, 1958: 1109).

Из якутского пантеона божеств в рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» фразеологизации подвергаются имена нескольких высших божеств. Это – *Одун Хаан*, *Чынгыс (Чынгыс) Хаан*, *Джэсэҕэй (Дьөһөгөй)*, *Сюгэ (Сюгэ) Тойон*, и собственно, сам *Тангара* ‘Бог’. Источником возникновения этих фразеологизмов являются, в основном, эпические памятники.

Как известно, у древних тюрков было три главных божества: *Тенгри* – ‘бог неба’, *Умай* – ‘богиня плодородия’ и *Йер-су* – ‘олицетворение культа воды и земли’ (СИГТЯ, 2006: 562), имена этих божеств упоминаются в орхоно-енисейских надписях, памятниках древнетюркского рунического письма Южной Сибири и Центральной Азии, датируемых VII–X вв. н.э. Из этих трех божеств интерес вызывает образ богини плодородия *Умай*.

Слово *Умай* известно в якутском языке в значении «матка, женская утроба» (Левин, 2001: 23). Однако оно как в других тюркских языках не получило дальнейшей мифологизации и не обнаруживается в значении «Божество» в якутском пантеоне богов. Функцию древнетюркской богини *Умай* в якутских верованиях выполняет якутская богиня плодородия *Айыысыт*. Вместе с тем Н. А. Алексеев считает, что древнетюркский культ богини *Умай* является поздней трансформацией (VI–VIII вв.) культа богинь матерей *Аи*, существовавших у саков Алтая и Средней Азии (Алексеев, 1980: 163). Несомненно, в будущем представляет научный интерес изучение образов саха-якутской богини плодородия *Айыысыт* и сакской

богини матерей *Аи*, с привлечением широкого круга лингвистических и этнографических данных.

Якутские боги *Одун* и *Чынгыс* являются божествами рока, определителями судеб, их власть, как верховных вершителей судеб, простирается на все три мира Вселенной. Е. С. Сидоров проводит параллель между якутским *Чынгыс* и древнемонгольским *Тенгес*, образом древнего ордосского божества (Сидоров, 2004: 11).

А имя бога *Одун*, как известно, имеет лексическую параллель с монг. *одон* ‘звезда; судьба; счастье’ (БТСЯЯ, 2010: 225).

В эпических памятниках якутов человек (богатырь *айыы*), спущенный с небес для заселения Среднего мира, воспевается устойчивым словосочетанием *Одун хаантан онгоһуулаах*, *Чынгыс хаантан дьылбалаах* – букв. имеющий предназначение от Одун-хана, а происхождение от Чынгыс-хана (Нелунов, 2002:40). Эта ФЕ в якутской фразеологии обозначает человека происходящего из знатного, высокого рода.

Также в якутском эпосе особым статусом наделялся человек, связанный непосредственно с именами высших божеств *Джэсэҕэй* и *Сюгэ Тойон*, устойчивая номинация которой указывала исключительно на божественное происхождение человека (героя): *Тобус Дьөһөгөй төрдүттэн төлкөлөөх* «с предназначением от девяти добрых духов» (Пекарский, 1959: 2767). *Сүгэ Тойонтон төлкөлөөх* «с судьбою (предопределением) в зависимости от Топора Господина (Бога грома)» (Пекарский, 1959: 2767).

Согласно якутской мифологии, *Джэсэҕэй* – божество, способствующее размножению лошадей, их покровитель, представлялся человеком или громогласно ржущим жеребцом (Миф. словарь, 1990: 185), помимо покровительства конному скоту, *Джэсэҕэй* выступал благожелателем «тому или другому отдельному человеку» (Пекарский, 1958: 854), охранял домашний очаг, всех домашних от всевозможных злых духов, дьяволов, чертей (Попов, 1991: 61). Г. В. Попов лексему-мифологему *Дьөһөгөй* (Джэсэҕэй) сравнивает с др.-тюрк. *йезэк* ‘застава, дозор’ и с кирг. *жесек* ‘застава, сторожевой отряд; охрана, разведка (преимущественно для охраны табунов)’ (Попов, 2003: 175).

А божество *Сюгэ Тойон* – бог грома, относящийся к разряду светлых божеств *айыы*, якуты считали божеством, производящим гром и молнию для преследования злых духов (Алексеев, 2008: 45). Имя эпического бога *Сюгэ Тойон* происходит от якутской лексики *сүгэ*, которая имеет прямые параллели в тув. *сүгэ* ‘топор’; в бур. *хүхэ* ‘тесак, топор’; в монг. *сүх* ‘топор, секира’ (БТСЯЯ, 2012: 234).

Якутская лексема *тангара* ‘бог’ восходит к пратюркской **täŋri* ‘бог’, ‘небо’, которая имеет широкое ареальное сопоставление: кит. *thien/chien* ‘небо’; шумер. *dingir* ‘боги’; монг. *tengeri* ‘небо, бог’; калм. *tenger*, япон. *ten* ‘небо’. Вместе с тем тюркологи считают монгольскую форму явным тюркизмом (СИГТЯ, 2006: 562). Как правило, у представителей огузских языков, в том числе, и в якутском языке, общетюркский **teŋir* перешел в гласные заднерядные: *tanru*, *taŋara*, *taɣara* (СИГТЯ, 2006: 327). У лексемы *тангара*, как и в других тюркских языках, сохранилось значение ‘небо’, о чем свидетельствует язык эпических памятников: *тангара уолун тангараҕа таһаарда* – ‘поднял в небо сына неба’ (Говоров, 2010: 61).

С участием якутской лексики-мифологемы *тангара* ‘бог’ в составе ФЕ создается характеристика простодушного, наивного, безвредного человека: *тангара оҕото* – букв. божье дитя (Нелунов, 2002: 179).

В словаре Пекарского находим устойчивое сочетание *Хоро тангаралаах ойуун* – букв. шаман, имеющий бога *Хоро* – «с особым духом (между абаасы и айыы), корнем злых духов» (Пекарский, 1959: 3505). Так предки якутов говорили о шамане, имеющем своим покровителем орла, о человеке, «душу которого воспитывает орёл верхнего неба до тех пор, пока тот не станет шаманом» (Пекарский, 1959: 3505). По представлениям древних якутов, душа будущего шамана превращалась верхними злыми духами в птенца. Её воспитывали и

вскармливали в одном из гнезд на шаманском дереве мифические птицы: орёл, ворон и лебедь, *'иньэ кыыллар'* – звероматери якутского шамана (Алексеев, 1972: 32).

Как известно, тотемных птиц орла и ворона особенно почитали якутские хоринцы, род, сыгравший существенную роль в этногенезе якутского народа. Историки выдвигают различные гипотезы о происхождении якутских хоринцев: их связывают с забайкальскими хоринцами, курыканами, хор-шивеями, с монгольскими племенами хорласов и хорчин, с монголоязычными племенами Внутренней Монголии баргутами и даурами, тюркоязычными хоораями (хакасами) (Ушницкий, 2017: 21), также и с дальневосточными палеоазиатами низовьев р. Амур (Бравина, 2015: 67–73). Вместе с тем, в настоящее время большинство исследователей поддерживают предположение о том, что якутские хоринцы имеют монголоязычные корни.

В эпической памяти якутского народа сохранился топоним *Хоро сирэ* 'Земля Хоро', откуда прилетают в страну олонхо перелетные птицы: *'Хороттон кэлэр сойуо тумустаах, хонгор чырып диэн баар буолар'* / *'Бывает птица с острым клювом кулик, прилетающая из страны Хоро'* (Хаан Дьаргыстай, 2016: 115). В языке эпоса топоним *Хоро сирэ* интерпретируется как «теплые страны, юг, южный» (Пекарский, 1959: 3504). На вопрос, где же находится месторасположение 'Земли Хоро' интересную гипотезу выдвигает Р. И. Бравина: «Земля Хоро, где зимуют птицы, могла располагаться в Приморском крае, где благодаря приуроченности к средним широтам и к области контакта Азиатской суши и Тихого океана, попадает в зону действия великого Восточного трансзиатского миграционного потока перелетных птиц» (Бравина, 2015: 69).

Итак, семантика архаичного устойчивого сочетания *Хоро тангаралаах ойуун* – букв. шаман, имеющий бога *Хоро*, хранит в себе мифологические представления о зарождении якутского сильного шамана, также и знания о южной или восточной стране, где зимуют перелетные птицы.

В хакасском фразеологическом материале обнаружены ФЕ, номинирующие шамана, которые в якутской фразеологии аналогий не имеют. Это – *артых сөбкүтүг* – букв. имеющий лишнюю кость, т. е. шаман; и *күл тупсеңең* – букв. топчущий золу, т. е. шаман, выступающий посредником между людьми и богами (Тотышева, 2004: 18).

Таким образом, имена якутских божеств *Одун Хаан*, *Чынгыс Хаан*, *Сюгэ Тойон*, *Хоро Тангара*, входящие в состав фразеологизмов, имеют прямые лексические параллели с монгольскими языками. Поэтому возникает предположение, что образы данных якутских божеств, возможно, возникли во времена тесного взаимодействия предков тюркоязычных якутов с монголоязычными племенами.

Как ранее упоминалось, в терминах якутского шаманства преобладают слова монгольского происхождения (Антонов, 1971: 141). В рамках рассматриваемого поля фразеологизации участвуют якутские слова *кэрэх* 'жертва (злым духам)', *түөрэх* 'атрибут для гадания', *орук* 'ветка в виде пучка'. Якутский *кэрэх* параллелен с бурятским *кэрэк* 'жертва, совершаемая при участии шамана' (БТСЯЯ, 2008: 561), *орук* сравнивается с монгольским *аруу* 'плетёная корзина' (БТСЯЯ, 2010: 242). А якутский *түөрэх* имеет тюрко-монгольские аналогии: с монг. *төөрөг* 'предопределение, рок, судьба, удача', также с хак. *төрүк* 'возглас присутствующих при бросании шаманом чашки или ложки' (БТСЯЯ, 2014: 272).

В якутской фразеологии про крайне невезучего, неудачливого человека говорят *икки кэрэх этиттэн манньат* – букв. он обделён мясом от двух, семи жертвенных скотин (Нелунов, 2002: 178). В основу образования данной якутской ФЕ лег обряд умилоствления гнева верхних или нижних злых духов, во время которого «шкуру и кости жертвенной скотины шаман вешает на дерево, мясо съедается тут же собравшимся людом. В старину бедняки с удовольствием шли на обряд жертвоприношения, чтобы до отвала наесться дарового мяса» (Кулаковский, 1979: 172). Следует отметить, что в тюркском мире обычай распределения

различных костей жертвенного животного по суставам был распространен очень широко (Сагалаев, 1990: 42).

Про человека со счастливой, благословленной судьбой якуты говорят *түһнэстибэт түөрэхтээх* – букв. с не опрокидываемым атрибутом для гадания (БТСЯЯ, 2013: 260). Атрибутом выступает либо большая ложка или колотушка от бубна. В основе образования семантики данной ФЕ лежит якутский обряд *түөрэх бырабыы*, совершаемый во время *Тангха* (аналогичен славянским Святкам), где подбрасывая большую ложку или колотушку от бубна вверх, получают ответ – если предмет падает открытой стороной вверх, то желаемое сбудется, в противном случае – наоборот.

В данной подгруппе также встречается ФЕ *орук обото* (БТСЯЯ, 2010: 341), характеризующая ребёнка, и которая имеет два значения. 1) это «дитя, родившееся после заклинания шамана над бесплодной женщиной, посаженной под *орук мас*» (Пекарский, 1959: 1780), в процессе обряда женщина должна проглотить насекомое, которое падает с особо густого пучка ветвей дерева для зачатия. Народная молва утверждает, что такое дитя обычно имеет неровную походку и качает головой; 2) это устойчивая характеристика хилого, слабого ребёнка.

В якутской лингвокультуре в поле зрения фразеологизации попадает традиционный промысел – охота. Оценочная характеристика охотника происходит с участием компонента названия духа-хозяина леса *Байанай*. По якутским верованиям, *Байанай* относится к разряду «иччи (хозяин), резко отграниченному как от *айыы* (творческое начало, ‘добрые духи’), так и от *абаасы* (пожиратели, ‘злые духи’)» (Ионов, 1916: 1). У якутской лексемы-мифологемы *Байанай* множество версий происхождения. Наиболее вероятным является отнесение к алтайскому *Пайана* ‘доброе божество’ (ТСЯЯ, 2005: 131), либо можно обратиться к монгольской терминологии, происходящей от монг. *Баян* – ‘богатый’ и *ой* ‘лес’ (Антонов, 1971: 144). В перспективе было бы целесообразно специально изучить этимологию слова *Байанай*, мифологического образа в целом, и выяснить, каково происхождение якутской лексемы *Байанай*: тюркское или монгольское.

Так, в якутской фразеологии при упоминании удачливого охотника употребляют ФЕ *Байанайдаах булчут (киһи)* – букв. имеющий Баяная охотник (Пекарский, 1958: 342). А в хакасской фразеологии великого охотника номинируют ФЕ *таг үлүстүг аңчы* – букв. имеющий горную судьбу (Тотышева, 2004: 18).

Также в фразеологическом фонде якутского языка существует архаичное устойчивое сочетание *сүллүкүүн үбэ үптээх* – букв. богатый как *сюллюкюн* (Пекарский, 1959: 3165). Якуты так говорили о богатом, зажиточном человеке. *Сюллюкюн*, по мифологическим представлениям якутов, обитатель (дух) глубоких вод, выходящий на землю в зимние холода от Рождества Христова до Крещения, водяной дух (БТСЯЯ, 2012: 243). *Сюллюкюны* считаются очень богатыми, внешне похожими на людей, отличаются отсутствием бровей, иногда представляются с остроконечными головами. Любят играть в карты и могут даже играть с человеком (Кулаковский, 1979: 44). Похожие на якутского ‘водяного духа’ *сюллюкюн* мифологические образы существуют у многих народов Евразии: русск. *шиликун*, *шулюкун* ‘ряженный; нечистый дух’; коми *шлейкин* ‘водяной’; тат. диал. *шүлген* ‘злой дух’ (БТСЯЯ, 2012: 243–244), башк. *шүлгэн* ‘злой дух’; чув. *сюлююн*; мар. *шюлюш* ‘некий дух’; др.-булг. *шарокань* ‘дракон’ (Попов, 2015: 244–245). Мы склоняемся к предположению В.Г. Попова о том, что вышеперечисленные мифологемы, возможно, восходят к китайскому *шуй-лун-хуан* ‘великий владыка – дракон вод’, который, видимо, в тюркские языки пришел через древнеуйгурский язык (Попов, 2015: 244–245).

К религиозным ФЕ относится устойчивое сочетание с устаревшей семантикой *ылламматах киһи үөрүгэр дылы* – букв. подобно душе неотпетого покойника. Так говорят про надоедливую человека. Якутское слово *үөр* ‘душа покойника’ сравнивается с каракалпакским *үрей* ‘призрак’, *хүрей* ‘привидение’ (БТСЯЯ, 2015: 483). По представлениям якутов «после смерти

некоторых людей появляется новое существо, выдающее себя за умершего человека, за его душу (кут). Такое существо называется *үөр*, и оно, по всем признакам, похоже на абаасы: оно причиняет людям разные болезни, а иногда и смерть» (Кулаковский, 1979: 46). Известно, что богослужение с отпеванием покойника у якутов появилось после распространения православного христианства на территории Якутии, начиная со II половины XVII в.

Рассмотренный материал якутского и других тюркских и монгольских языков позволяет установить следующие лексические параллели слов-компонентов и их фразеосемантические разряды:

1. Выявлены слова-мифологемы в якутском языке, имеющие лексические параллели в других тюркских языках:

якут. *абааны* 'злой дух' < др.-тюрк. *абачу* 'бука, пугало' ~ ср.-тюрк. *абаакы* ~ караим. *абах* ~ крым. тат. *абак* ~ 'идол' ~ тур. *анак* 'джинн'. В составе ФЕ хакасского и казахского языков используются лексемы *сайтан* (хак.) ~ *айна* (хак.) ~ *албасты* (каз.), не имеющие прямой параллели по фоноструктурному признаку в якутском языке. Эти компоненты в составе ФЕ организуют следующие фразеосемантические разряды: 'Злой дух' → 'человек с дурным и скверным характером' (якут., хак., каз.); 'человек с дурным, безобразным видом' (якут., хак.); 'человек, имеющий несчастливую судьбу' (якут.); 'человек, не имеющий никакого авторитета, влияния' (якут.); 'нетерпеливый' (якут.); 'неполноценный в умственном отношении человек или калека' (хак.).

якут. *тангара* 'бог' < пратюрк. *таҕри* 'бог, небо'. В якутском фразообразовании *тангара* 'бог' → 'простодушный, наивный, безвредный'.

якут. *Дьөһөгөй* 'божество, творец и покровитель лошадей' < др.-тюрк. *йезэк* 'застава, дозор' и с кирг. *жесек* 'застава, сторожевой отряд; охрана, разведка (преимущественно для охраны табунов)'. *Дьөһөгөй* → 'божественное происхождение'.

якут. *үөр* 'душа покойника' < каракалпак. *үрей* 'призрак', *хүрей* 'привидение'. *үөр* 'душа покойника' → 'надоедливый'.

2. В якутском языке обнаружено слово-мифологема собственного происхождения, образованное на тюркской почве:

якут. *айыы* 'общее название высших существ, олицетворяющих собою начала добра' < от якут. глагольной основы *ай* 'творить, создавать' → 'добрый, сердечный'

3. В якутском языке установлены слова-мифологемы, имеющие лексические параллели в тюркских и монгольских языках, а в отдельных случаях в неродственных языках:

якут. *уот иччитэ* 'бог домашнего очага и жилища' < пратюрк. **ho:t* 'огонь'; монг. *ежэн* 'хозяин'. *уот иччитэ* → 'обидчивый'.

якут. *Сүгэ Тойон* 'бог грома' < тув. *сүгэ* 'топор', бур. *һүхэ* 'тесак, топор', монг. *сүх* 'топор, секира'; др.тюрк. *тойын*, кит. *даожэнь* 'буддийский монах (букв. человек пути)', тюрк. *тобан*, *тойбан* 'орёл'. *Сүгэ Тойон* → 'божественное происхождение'.

якут. *Байанай* 'баянай (общее название духов, покровительствующих охотникам – звероловам)' < алт. *пайана* 'доброе божество'; *бай* (< *умай* 'мать') + *ана* 'мать' + *-й* (аффикс звательного падежа); < монг. *баян* – 'богатый' и *ой* 'лес'.

якут. *түөрэх* 'атрибут для гадания' < монг. *төөрөг* 'предопределение, рок, судьба, удача', хак. *төрик* 'возглас присутствующих при бросании шаманом чашки или ложки'. *Түөрэх* → 'со счастливой, благословленной судьбой человек'.

якут. *сүллүкүүн* 'водяной дух' → тат. диал. *шүлген* 'злой дух', чув. *сюлюсюн*, башк. *шулган* 'злой дух', др.-булг. *шарокань* 'дракон'; кит. *шуй-лун-хуан* 'великий владыка – дракон вод', русск. *шиликун*, *шулюкун* 'ряженный; нечистый дух', коми *шлейкин* 'водяной', мар. *шюлюш* 'некий дух'. *сүллүкүүн* 'водяной дух' → 'богатый, зажиточный'.

4. Выявлены в якутском языке слова-мифологемы, имеющие лексические параллели в монгольских языках:

якут. *Одун Хаан* ‘бог рока, определитель судеб’ < монг. *одон* ‘звезда; судьба; счастье’. *Одун Хаан* → ‘божественное происхождение’.

якут. *Чыгыс Хаан* ‘бог рока, определитель судеб’ < др.-монг. *Тенгес* – ‘древнее ордосское божество’. *Чыгыс Хаан* → ‘божественное происхождение’.

якут. *Хоро* ‘особый дух (между *абаасы* и *айыы*), корень злых духов; предок орлов; божество птиц’ < *хоро* – древнемонгольский язык. *Хоро* → ‘шаман, имеющий своим покровителем орла’.

якут. *кэрэх* ‘жертва (злым духам)’ < бур. *кэрэк* ‘жертва, совершаемая при участии шамана’. *Кэрэх* → ‘невезучий, неудачливый’.

якут. *орук* ‘ветка в виде пучка’ < монг. *аруь* ‘плетёная корзина’. *Орук* → 1) дитя, родившееся после заклинания шамана над бесплодной женщиной; 2) хилый, слабый ребёнок.

Итак, рассмотренные якутские ФЕ с компонентами-мифологемами – названиями якутских божеств и различных духов, в целом, сформировались в эпоху раздельного изолированного существования якутского языка и являются специфической особенностью якутской лингвокультуры.

Вместе с тем, наличие большого количества якутских слов-мифологем монгольского происхождения свидетельствует о том, что якутская система мифологических образов подверглась сильному монгольскому влиянию. А отсутствие тунгусских лексических параллелей говорит о недостатке взаимодействия и взаимовлияния с этими языками при создании рассмотренных якутских лексем-мифологем.

Наряду с этим, обнаруженное, хотя и немногочисленное, количество якутско-хакасских, якутско-казахских аналогичных, семантически мотивированных фразеологизмов подтверждает тезис о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие древние корни. Но вместе с тем, схожесть ассоциативных образов может быть обусловлена, также и универсальными знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой.

Список литературы:

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования якутов в начале XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.
- Алексеев Н. А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 318 с.
- Алексеев Н. А.** Этнография и фольклор народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 2008. – 494 с.
- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 174 с.
- Бектаев К.** Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. – Алматы, 1995. – 703 с.
- Брагина Р. И.** Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
- Брагина Р. И.** Кус Хоро – «Страна, где зимуют птицы...» // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. – Т. III. – С. 67–73.
- Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – Т. 5: К. – 616 с.; 2010. – Т. 7: Нь, О, Ө, П. – 519 с.; 2012. – Т.9: С – сөллөй – сээн, Ы. – 630 с.; 2013. – Т. 10: Т: т – төһүүлээ. – 575 с.; 2014. – Т. 11: Т – төтөллөөх – тээтэннээ. – 528 с.; 2015. – Т. 12: У, Ү. – 598 с.
- Говоров Д. М.** Непобедимый Мюльджю Бёгё = Мүлдү Бөҕө: Олонхо. Кн. 1: – Якутск: Бичик, 2010. – 480 с.
- Григорьев Н. С.** Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдьыта (Фразеологический словарь якутского языка). – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 128 с.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- Ионов В. М.** Дух-хозяин леса у якутов: (представлено в заседании Ист.-филол. отд-ния 11 февр. 1915 г.). – Петроград: тип. Имп. Акад. Наук, 1916. – [2], 44 с. – (Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук; Т. 4, вып. 1).

- Коновалова Н. И.** Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст / Под. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та, 2004. – 186 с.
- Кулаковский А. Е.** Научные труды. [Подготовка к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
- Левин Г. Г.** Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков: (в сравнительном плане с алтайским, хакасским и тувинским языками). – Новосибирск: Наука, 2001. – 190 с.
- Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – 287 с.; – Т. 2. – 420 с.
- Попов В. Г.** К вопросу об этимологии названий мифологических водяных духов у якутов // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 239–245.
- Попов Г. В.** К этимологии некоторых имен божеств якутской мифологии // Фольклор и современная культура: Сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 60–66.
- Попов Г. В.** Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дь).
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. I. – 1280 с.; – 1959. – Т. II. – 2508 с.; – 1959. – Т. III. – 3858 с.
- Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 209 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
- Сидоров Е. С.** Очерки по олонхо. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2004. – 132 с.
- Тотышева С. С.** Фразеология в традиционной культуре хакасов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 23 с.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т.1: А – 680 с.; 2005. – Т. 2: Б – 912 с.; 2006. – Т.3: Г, Д, Дь, И. – 844 с.
- Ушницкий В. В.** Хоролоры Якутии: история вопроса (анализ и новейшие интерпретации) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 2 (19). – С. 21–28.
- Хаан Дьаргыстай / И. А. Худяков (подготовка к печати: В. В. Илларионов; науч. ред. Т. В. Илларионова). – Якутск: Изд-во «Алаас», 2016. – 232 с.
- Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.

Список использованных языков:

Башк. – башкирский; **Бур.** – бурятский; **Др.-булг.** – древнебулгарский; **Др.-монг.** – древнемонгольский; **Др.-тюрк.** – древнетюркский; **Калм.** – калмыцкий; **Караим.** – караимский; **Кирг.** – киргизский; **Кит.** – китайский; **Крым.-тат.** – крымско-татарский; **Мар.** – марийский; **Монг.** – монгольский; **Пратюрк.** – пратюркский; **Русск.** – русский; **Ср.-тюрк.** – среднетюркский; **Тат.** – татарский; **Тув.** – тувинский; **Тур.** – турецкий; **Хак.** – хакасский; **Чув.** – чувашский; **Шумер.** – шумерский; **Якут.** – якутский; **Япон.** – японский.

Анисимов Руслан Николаевич, заместитель директора.

Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, Россия, 677000.

E-mail: teployakutia@mail.ru

Материал поступил в редакцию 3 августа 2018 г.

R. N. Anisimov

MYTHOLOGEMA TOKENS IN THE COMPOSITION OF THE YAKUT LANGUAGE PHRASEOLOGISMS, CHARACTERIZING HUMANS

The article considers mythologema tokens in the Yakut language, which are parts of phraseological units - various names of the Yakut deities, the spirit of fire, the spirit-master of the forest, and also the names of evil and good spirits. An attempt was made to establish their lexical parallels in the related Turkic and Mongolian languages. Within the phraseosemantic field "qualitative and evaluative characteristics of a person" mythologema tokens as part of phraseological units participate in an evaluative description of internal properties – mental qualities, temperament, appearance, age, life experience, abilities, social status, behavior and other qualities of a person. The field organizes the fundamental cultural concept of the PERSON, which reflects the national picture of the world, the system of the most common world representations of native speakers. The comparative-historical method and component analysis made it possible to establish national-specific phraseological units of the Yakut language that do not have parallels in related Turkic languages, which in turn confirms the thesis that the formation of these phraseological units proceeded in the course of its development in conditions of non-contact with the last. At the same time, general and specific phraseological ranks, as well as some Yakut-Khakass, Yakut-Kazakh phraseological parallels were revealed. It is also suggested that the Yakut system of mythological images was subjected to strong Mongolian influence. And the absence of Tungus lexical parallels testifies to the lack of Yakut-Tungus interaction and mutual influence when creating the considered Yakut mythologema tokens. Prospects for the study are seen in the further development of the theoretical basis and methodology of phraseological comparativistics of Turkic languages.

Key words: *token, phraseological unit, Yakut language, Turkic languages, phraseosemantic field, Turkic phraseology, history of the language, comparative analysis.*

References:

- Alekseev N. A.** Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v nachale XIX – nachale XX v. [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the early XIX – early XX century.]. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – 200 p.
- Alekseev N. A.** Rannie formy religii tyurkoyazychnyh narodov Sibiri [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. – Novosibirsk: Nauka, 1980. – 318 p.
- Alekseev N. A.** Ehtnografiya i fol'klor narodov Sibiri [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 494 p.
- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1971. – 174 p.
- Bektaev K.** Bol'shoj kazahsko-russkij, russko-kazahskij slovar' [Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary]. – Almaty, 1995. – 703 p.
- Bravina R. I.** Konceptiya zhizni i smerti v kul'ture ehtnosa: Na materiale tradicij saha [Concept of the life and death in culture of ethnos: based on the Sakha traditions]. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 307 p.
- Bravina R. I.** Kus Horo – «Strana, gde zimuyut pticy...» [Kus Khoro – “Country where birds winter”] // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne [Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War] – Habarovsk: Habarovskij kraevoj muzej im. N. I. Grodekova, 2015. – Vol. III. – P. 67–73.
- Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Big Yakut definition dictionary in 15 vols] – P. A. Slepcev (ed.). – Novosibirsk: Nauka, 2008. – Vol. 5: K. 616 p.; 2010. Vol.7: N', O, Ø, P. 519 p.; 2012. Vol.9: S (selley – seen), h. 630 p.; 2013. Vol. 10: T: (t – tɵŋy̆leheh). 575 p.; 2014. Vol. 11.: (T – tetellɵekh – teetennee). 528 s.; 2015. Vol. 12: U, Y. 598 p.
- Govorov D. M.** Nepobedimyj Myul'dzhyu Byogyo = Myld'y Bɵɵ: Olonho. Kn. 1.: [Invincible Muldju Bege]. – Yakutsk: Bichik, 2010. – 480 p.
- Grigor'ev N. S.** Saha tylyn somoŝo domoŝun tyld'yta (Frazеologicheskij slovar' yakutskogo yazyka) [Phraseological dictionary of Yakut language]. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1974. – 128 p.
- Drevnetyurkskij slovar' [Old Turkic dictionary]. – V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (eds). – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.

- Ionov V. M.** Duh-hozyain lesa u yakutov: (predstavleno v zasedanii Ist.-filol. otd-niya 11 fevr. 1915 g.). [Spirit-master of the forest of the Yakuts: (represented in the meeting of the East Philological Department on February 11, 1915)]. – Petrograd: tip. Imp. Akad. Nauk, 1916. – Vol. 2. – 44 p. – (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Imperatorskoj akademii nauk; [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography under the Imperial Academy of Sciences].
- Konovalova N. I.** Dinamicheskiy aspekt interpretacii frazeologizmov s sakral'nym komponentom [Dynamic aspect of the interpretation of phraseological units with a sacral component] // *Obraz cheloveka i chelovecheskiy faktor v yazyke: slovar', grammatika, tekst* [The image of a person and the human factor in the language: dictionary, grammar and text] – L. G. Babenko (ed.). – Ekaterinburg, 2004. – 186 p.
- Kulakovskij A. E.** Nauchnye trudy [Academic works]. – Yakutsk, 1979. – 484 p.
- Levin G. G.** Leksiko-semanticheskie paralleli orhonsko-tyurkskogo i yakutskogo yazykov: (v sravnitel'nom plane s altajskim, hakasskim i tuvinskim yazykami) [Lexical and semantic parallels of Orkhon-Turkic and Yakut languages: (in comparative terms with Altaic, Khakass and Tuvan languages)]. – Novosibirsk, 2001. – 190 p.
- Mifologicheskij slovar' [Mythological dictionary]. – E. M. Meletinskij (ed.). – Moscow: Sov. ehnciklopediya, 1990. – 672 p.
- Nelunov A. G.** Yakutsko-russkiy frazeologicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. – Novosibirsk, 2002. – Vol. 1. – 287 p.; – Vol. 2. – 420 p.
- Popov V. G.** K voprosu ob ehtimologii nazvanij mifologicheskikh vodyanykh duhov u yakutov [To the question of the etymology of the names of the mythological water spirits in the Yakuts] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian philological journal]. – 2015. – № 1. – P. 239–245.
- Popov G. V.** K ehtimologii nekotorykh imen bozhestv yakutskoj mifologii [To the etymology of some names of deities of Yakut mythology] // *Fol'klor i sovremennaya kul'tura* [Folklore and modern culture]. – Yakutsk: Izd-vo YANC SO RAN, 1991. – P. 60–66.
- Popov G. V.** Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka [Yakut etymology dictionary]. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 180 p. (Ch. 1: A – D').
- Pekarskiy E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut dictionary]. – Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. – Vol. I. – 1280 p.; – 1959. – Vol. II. – 2508 p.; – 1959. – Vol. III. – 3858 p.
- Sagalaev A. M., Oktyabr'skaya I. V.** Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Znak i ritual [Traditional worldview of the Turkic's of Southern Siberia. Sign and Ritual]. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 209 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika [Comparative historic grammar of Turkic languages. Lexis]. – 2-e izd. dop. – Moscow: Nauka, 2001. – 822 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo ehtnosa po dannym yazyka [Comparative historic grammar of Turkic languages. Pre-Turkic protolanguage]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (eds.). – Moscow: Nauka, 2006. – 908 p.
- Sidorov E. S.** Ocherki po olonho [Essays on olonkho]. – Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo un-ta, 2004. – 132 p.
- Totysheva S. S.** Frazeologiya v tradicionnoj kul'ture hakasov [Phraseology in Khakass traditional culture: Abstract of cand. philol. diss.]. – Ulan-Ude, 2004. – 23 p.
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Yakut definition dictionary]. P. A. Slepcev (ed.). – Novosibirsk: Nauka, 2004. – Vol. 1: A. – 680 p.; – 2005. – Vol. 2: B. – 912 p.; – 2006. – Vol. 3: G, D, D', I. – 844 p.
- Ushnickij V. V.** Horolory Yakutii: istoriya voprosa (analiz i novejschie interpretacii) [Khorolors of Yakutia: history of the issue (analysis and latest interpretations)] // *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal Humanities]. – 2017. – № 2 (19). – P. 21–28.
- Haan D'argystaj [Khan Djargystai: epos olonkho]. – Yakutsk: Izd-vo «Alaas», 2016. – 232 p.
- Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1115 p.

Anisimov Ruslan Nikolaevich, Deputy Director.

Scientific Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Kulakovskiy str., 42, Yakutsk, Russian Federation, 677000.

E-mail: teployakutia@mail.ru